

— Что касается второго ярлыка, который вы мне повесили, я тем более не могу его принять.

Юноша с усмешкой продолжил:

— У меня нет намерения вредить наследному принцу. Я хочу лишь свободы в выборе, что выращивать — обычные растения или мутафлору. Если бы я действительно хотел навредить, то настоящим преступником была бы не я, а вы, императрица, которая предпочла бы бедствие Империи, чем согласиться на моё маленькое, ничтожное требование.

— Дерзость! Как ты, простолюдин, можешь понять, насколько важны древознатцы? Я не могу согласиться на это! — Шангуань Жунхуа в ярости указала на Цяо Е, её пальцы дрожали от гнева.

Ответ юноши был простым: он взял кинжал в руку, поиграл им, а затем подбросил в воздух —

Кинжал, казалось, изменил траекторию, и его острое направилось прямо к сердцу мужчины, лежащего на кровати!

— Я соглашаюсь!

Наконец, прежде чем кинжал достиг сердца мужчины, Шангуань Жунхуа крикнула: «Я соглашаюсь».

Только тогда Цяо Е поймал кинжал обеими руками.

Спина его была покрыта холодным потом, но он всё равно сохранял спокойствие:

— Надеюсь, вы сдержите своё слово. Иначе... тайна о двух коммуникаторах генерала Шангуаня и секрет смерти бывшей императрицы-матери могут стать известны всей галактике.

Сказав это, Цяо Е завершил связь и, не вытирая кровь с рук, отправил своё и Мужун Яня текущее местоположение.

Не говоря уже о том, как Шангуань Жунхуа и скрывавшийся в углу генерал Шангуань сомневались в Цяо Е и обвиняли друг друга, сам Цяо Е лёг на мужчину, вынул железную пластину из его груди, бросил её на пол и, стиснув зубы, попытался приставить кинжал к шее мужчины —

Но, попробовав несколько раз, он с досадой обнаружил, что его пальцы, хотя и не дрожали, больше не могли удержать кинжал на шее мужчины.

— Такой противный характер, такая властная натура, если бы...

Юноша пробормотал несколько слов, затем закрыл глаза и уснул, лёжа на мужчине.

На следующее утро солнечный свет пробивался через белые шторы, освещая двоих спящих в комнате.

Когда солнце уже высоко стояло, мужчина с длинными руками и ногами наконец открыл глаза, выглядев слегка озадаченным.

Первое, что он увидел, был спящий юноша, лежащий на нём.

Мужчина сначала улыбнулся, его глаза наполнились теплом.

Но когда он попытался обнять юношу, то смущённо обнаружил, что его запястья и лодыжки скованы наручниками.

Мужчина задумался, пытаясь вспомнить вчерашние события, почувствовал головную боль и слабость в теле, и тогда он понял, что вчера... после работы он поддался улыбке своей жены, и она даже сама позволила ему обнять её — конечно, дальше этого дело не пошло, но её инициатива заставила его расслабиться.

А затем... мужчина почувствовал досаду, но и гордость.

Он вспомнил, что затем жена подала ему стакан воды и сама напоила его.

А что было дальше... мужчина вообще ничего не помнил.

Очевидно, его жена его обхитрила.

— Маленький плут, — подумал мужчина, чувствуя, что ему нужно восстановить свой «мужской авторитет».

Наручники или снотворное — мужчине это не особо беспокоило, но он очень хотел разбудить юношу, пристально посмотреть на него и заставить его пообещать, что в следующий раз, если он снова будет давать ему снотворное, это будет такое, которое оставит его в сознании. Конечно, если это будет снотворное с особым эффектом, он с радостью согласится.

Что касается наручников, то лучше приготовить несколько пар, чтобы, когда он освободится, можно было сковать самого юношу. А затем...

В голове мужчины промелькнуло множество картинок, и постепенно его кровь начала кипеть, а сердце забилось чаще.

Цяо Е, всё ещё державший кинжал, проснулся от громкого стука сердца мужчины под ним.

Он сонно потер глаза тыльной стороной руки, всё ещё сжимавшей кинжал, и только тогда вспомнил, что забыл снять наручники с Мужун Яня.

Цяо Е посмотрел на Мужун Яня, который с жаром смотрел на него, и все его объяснения и извинения сразу же исчезли.

Даже в таком связанном состоянии он всё равно думает о чём-то неприличном, какой же он противный!

С этими мыслями Цяо Е сердито фыркнул, затем резко встал с мужчины и, не надевая тапок, босиком направился в душ — два взрослых мужчины, проспавшие всю ночь в обнимку, не могли не вспотеть!

К тому же, Цяо Е срочно нужно было сменить штаны...

Мужун Янь сначала не понимал, но когда он сам освободился от наручников, заморозив их льдом, он заметил на своих штанах два слегка влажных пятна.

Мужун Янь замер, затем рассмеялся.

После чего он подошёл к двери ванной и, сквозь тонкую дверь, с улыбкой сказал:

— Цяо Цяо, не мой свои штаны... я сам их постираю.

Хотя домашние дела не были его любимым занятием, стирка штанов жены ему очень понравилась.

Очень.

Конечно, называть себя «братом» тоже было для него в новинку, и это вызывало в его сердце лёгкое щекотание, как будто перышко нежно ласкало его.

А в ванной Цяо Е, размышлявший, стоит ли самому постирать штаны, услышав слова мужчины, покраснел.

Прошло некоторое время, Цяо Е долго смотрел на штаны, понимая, что если он их постирает, это будет выглядеть как попытка скрыть правду, а если не постирает, то такие явные следы точно будут замечены. В любом случае, мужчина, скорее всего, догадается.

Через полчаса Цяо Е, сжав губы, в новой пижаме и с мокрой одеждой в руках, с невозмутимым видом сказал:

— Рука соскользнула, упала на пол в ванной.

Услышав серьёзное, но явно надуманное объяснение юноши, Мужун Янь почувствовал, что его симпатия к нему возросла.

Поэтому мужчина, сдерживая смех, с таким же невозмутимым видом ответил:

— Ничего, всё равно нужно стирать.

Только тогда Цяо Е, с покрасневшими ушами, с серьёзным лицом, медленно, но уверенно вернулся в спальню.

Хотя Шангуань Жунхуа согласилась на его три условия, без окончательного согласия Мужун Цина, отца Мужун Яня, её согласие было бесполезным.

Хотя Цяо Е был уверен, что Шангуань Жунхуа сможет убедить Мужун Цина, он всё же решил проверить анонимный коммуникатор, чтобы узнать, есть ли ответ и нужно ли ему снова связываться с императрицей.

Но к его удивлению, на его анонимном коммуникаторе было два письма.

Одно было от незнакомца, сообщавшего, что его условия были согласованы с императором, и просившего не болтать лишнего.

Другое письмо тоже было от незнакомца, но Цяо Е, благодаря своему прошлому опыту, сразу понял, что это был адрес Мужун Цина, отца Мужун Яня.

В отличие от напористости и грубости Шангуань Жунхуа, Мужун Цин казался гораздо более доброжелательным.

Цяо Е, глядя на письмо, на мгновение задумался, вспомнив, как в прошлой жизни Мужун Цин много заботился о нём. Но забота Мужун Цина, на фоне несправедливости Шангуань Жунхуа и власти Мужун Яня, казалась излишней.

Как голодному человеку, если его не накормить досыта, он скоро умрёт. Мужун Цин доброжелательно протянул Цяо Е кусочек хлеба, но этот кусочек лишь разжёл в нём большее желание жить, но не мог изменить неизбежный конец.

Конечно, это не изменило того факта, что Цяо Е уважал Мужун Цина и его семью.

После постапокалипсиса люди с Планеты Д начали мигрировать и завоёвывать другие планеты. Сначала планеты, на которые они прибывали, были бедными, но после того, как люди их обустроили, другие формы жизни начали зариться на эти планеты.

<http://bllate.org/book/16343/1476619>